

Чай был отнюдь не простой — элитный «Да Хун Пао» из Фуцзяня, подношение ко двору. Настоящих чайных кустов «Да Хун Пао» всего несколько штук, ежегодный урожай ничтожно мал и почти целиком отправляется в императорский дворец. Простым людям, будь они даже невероятно богаты, заполучить его не под силу. Даже внутри дворца, помимо императора и вдовствующей императрицы, лишь самые приближённые и обласканные властью особы могут изредка отведать этот напиток.

Кипяток раскрыл аромат чая, наполнив покой благоуханием, но Гу Хуайцин, держа чашку, смотрел в окно, погружённый в свои мысли...

Среди евнухов лишь единицы достигают положения главного евнуха. Большинство годами служат императору или вдовствующей императрице, проходя через множество испытаний, чтобы медленно, шаг за шагом, подняться до этой должности. Такой юный, как Гу Хуайцин, а уже занявший этот пост, да ещё и в Восточной Ограде — самом влиятельном центре власти, — таких за всю историю Великой Ци можно пересчитать по пальцам.

Продвижение по службе и богатство должны бы радовать, но Гу Хуайцин не испытывал особой радости. Вместо этого в голове неожиданно всплыли слова, когда-то сказанные ему Дуань Минчэнем: «...С твоими способностями, дай только срок, непременно станешь главным евнухом!»

Почему-то Гу Хуайцину стало вдруг пусто и скучно, и даже бесценный «Да Хун Пао» показался ему пресным.

Юный и неискушённый Юй Ханьфэй, не ведая о мыслях Гу Хуайцина, закончив заваривать чай и вымыв руки, с восхищением уставился на пожалованное императором одеяние с цилинем.

— Господин, — не удержался он, — одеяние такое прекрасное! Можно взглянуть?

Юй Ханьфэй служил у Гу Хуайцина уже некоторое время. Тот держал его довольно свободно, не слишком строгими правилами, и юноша от этого слегка распустился. Не дожидаясь ответа, он сам развернул одеяние и принялся осторожно гладить ткань.

Парадный халат был сшит из алой шёлковой газовой ткани — новейшей разработки мастеров из Сучжоу. Материал не только переливался благородным блеском, но был мягок, лёгок и дышал, так что носить его можно было даже в летний зной. Золотыми и серебряными нитями на нём был вышит мифический зверь цилинь. Он отличался от обычных изображений: цилинь играл с золотым шаром, что придавало ему забавный и трогательный вид.

Юй Ханьфэй, разглядывая, всё больше восхищался и наконец не выдержал, снова потрогав ткань, чтобы ощутить её шёлковую гладкость и тепло. Выходец из бедной крестьянской семьи, до поступления во дворец он не то что носить — даже видеть не видел столь роскошных и прекрасных одеяний.

В душе юноши загорелась зависть и надежда: удастся ли ему когда-нибудь тоже заслужить право облачиться в подобное?

После обеда и краткого отдыха Гу Хуайцин отправился во дворец, чтобы выразить императору благодарность за пожалование.

Алое шёлковое одеяние с цилинем сидело на нём безупречно. Он понимал, что Сяо Цзин заказал его специально для него: размер идеально подогнан, каждый шов выполнен с величайшей тщательностью.

Император, владеющий всем поднебесным, мог подарить что угодно, но такая личная забота была поистине бесценна. К тому же Сяо Цзин из года в год, вот уже десять лет, относился к нему с неизменной добротой. Гу Хуайцин не был неблагодарным и всегда помнил об этой щедрой милости, не смея забывать.

Как и говорил главный евнух Ван Шэн, Сяо Цзин, приняв утром послов с Запада, после полудня удалился в Чертог Сюаньдэ для чтения докладов.

Гу Хуайцин в пожалованном алом шёлковом одеянии с цилиндром шёл по дворцовой аллее, утопающей в белоснежных цветах сакуры. Порыв ветра поднял лепестки, и они, словно нежный снег, закружились вокруг него. Статная фигура, развевающийся красный халат, мириады парящих лепестков — всё вместе складывалось в картину неопишуемой красоты, приковывающую восхищённые взгляды придворных.

У входа в Чертог Сюаньдэ главный евнух Ван Шэн, завидев Гу Хуайцина, поспешил навстречу, взмахнув своим опахалом, и с подобострастной улыбкой произнёс:

— Господин Гу, приветствую! Его Величество уже ожидал вас и повелел проводить внутрь без доклада.

Гу Хуайцин кивнул и направился в зал, но Ван Шэн тихо кашлянул у него за спиной. Гу Хуайцин нахмурился и обернулся. Евнух, многозначительно подмигнув и скорчив серьёзную мину, сделал рукой резкий жест, будто выхватывает меч. Гу Хуайцин мгновенно понял намёк. «Хоть и пройдоха, но неглуп, — подумал он. — Стоит его немного приручить».

Поднявшись по ступеням из белого нефрита, Гу Хуайцин вошёл в главный зал и издали увидел высокую фигуру в красном парадном халате, распростёршуюся ниц и совершающую три коленопоклонения и девять земных поклонов — полный церемониал.

Даже видя лишь спину, Гу Хуайцин тотчас узнал Дуань Минчэня и про себя усмехнулся. Этот человек всегда был невероятно серьёзен, а в официальном облачении и вовсе казался воплощением солидности. Даже движения в поклоне у него выходили чёткими, размеренными и безупречными — не то что у других.

— Любимый сановник Дуань, поднимитесь, — благожелательно молвил Сяо Цзин.

Однако Дуань Минчэнь не поднялся сразу, а, оставаясь на коленях, произнёс положенные слова благодарности за императорскую милость.

Его поза была безупречной: спина прямая, как стрела. Со спины были видны широкие плечи, мощная грудь, узкая талия и крепкие бёдра — сложение, полное мужской энергии и силы.

Гу Хуайцин с одобрением смотрел на него и, лишь когда Дуань Минчэнь закончил благодарственную речь и поднялся, неторопливо подошёл вперёд, чтобы приветствовать Сяо Цзина.

Тот же красный парадный халат на Дуань Минчэне смотрелся солидно и мощно, а на Гу Хуайцине — как-то особенно изысканно и утончённо.

Он шёл по аллее сакуры, и его тёмные виски, и алый халат были усыпаны мелкими розовато-белыми лепестками, от него же исходил лёгкий, тонкий аромат цветов.

Красный цвет и впрямь очень требователен: красивых он делает прекрасными, а некрасивых —

лишь безобразнее. Свободный, но идеально сидящий крой подчёркивал его стройную и высокую фигуру, а яркий, сочный алый цвет оттенял кожу, чистую и безупречную, как снег. Это была ослепительная, внеполовая красота, поражающая наповал.

Сяо Цзин всегда знал, что Гу Хуайцин необычайно красив, и это одеяние с цилиндром шилось специально для него, чтобы сидело идеально. Однако в тот миг, когда он увидел его, император был потрясён. В голове пронеслись десятки строф, воспевающих красоту, но ни одна не могла описать это совершенство.

Гу Хуайцин завершил церемонию трёх коленопреклонений и девяти поклонов, но ответа не последовало. Его это озадачило: Сяо Цзин обычно был с ним прост и, как правило, не давал завершить ритуал, сразу же поднимая. Что же сегодня случилось?

Лишь встретившись с его недоумённым взглядом, Сяо Цзин словно очнулся. Он сорвался с драконьего трона, быстро спустился вниз и собственноручно поднял Гу Хуайцина.

— Хуайцин, не церемонься так, поднимайся скорее.

— Благодарю Ваше Величество. — Гу Хуайцин поднялся, поправил помятые складки халата и украдкой бросил взгляд на Дуань Минчэня.

Тот, однако, стоял навытяжку, устремив взгляд в пространство перед собой и не глядя по сторонам. Гу Хуайцин мысленно фыркнул, но на лице его расцвела улыбка, и он с притворным удивлением воскликнул:

— А, господин Дуань тоже здесь?

Дуань Минчэнь, разумеется, заметил Гу Хуайцина ещё раньше, но в присутствии императора держался с подобающей сдержанностью. В тот миг, когда он его увидел, его потрясение и восхищение были ничуть не меньше, чем у Сяо Цзина. Однако, привыкнув скрывать свои чувства, он быстро обрёл самообладание и унял учащённое сердцебиение.

Но раз уж Гу Хуайцин обратился к нему, притворяться дальше было неловко. Он сложил руки в приветственном жесте.

— Господин Гу!

Его чопорность и формальность показались Гу Хуайцину скучными, и он вернулся к сути дела, обратившись к императору:

— Ваш ничтожный слуга явился, чтобы выразить глубочайшую благодарность за высочайшую милость. Мои способности скудны, а участие в расследовании было лишь исполнением долга перед государем. Как же я могу быть достоин таких наград?

Но Сяо Цзин лишь рассмеялся:

— Хуайцин, что за скромность? В деле принцессы Корё ты проявил и мудрость, и отвагу, преодолев тысячу ли ради успеха. Я лишь воздаю по заслугам.

Похвалив своего любимого сановника, император не забыл и про Гвардию в парчовых халатах. Он взял Дуань Минчэня за руку:

— Любимый сановник Дуань тоже немало потрудился и заслужил славу. Ты молод и способен.

Я не зря вызвал тебя из Северных пределов и вверил тебе важное дело. Ты действительно не подвёл моих ожиданий!

Дуань Минчэнь поспешил ответить со всей скромностью:

— Недостоин я таких похвал Вашего Величества. Служить вам — высочайшая честь для вашего слуги.

Сяо Цзин снял с большого пальца правой руки изумрудный перстень.

— Этот перстень даровал мне покойный император-отец. Я носил его всё это время. Сегодня я жалею его тебе, Дуань.

Дуань Минчэнь в смущении стал отказываться:

— Перстень, пожалованный Вашему Величеству покойным императором, — вещь столь драгоценная! Как осмелится ваш слуга принять её? Умоляю, возьмите дар обратно.

Но Сяо Цзин настаивал и сам надел перстень на большой палец Дуань Минчэня.

— Как говорится, румяна — красавице, меч — верному другу. Я редко покидаю дворец и почти не езжу верхом и не стреляю из лука. Этот перстень в твоих руках, Дуань, обретёт куда больше пользы.

После такого высочайшего знака внимания отказываться дальше значило бы проявить непростительную неблагодарность. Дуань Минчэнь мог лишь опуститься на колени и принять дар с благодарностью.

<http://bllate.org/book/16283/1466983>